Мега Машина

ВРЕМЕНА СМУТЫ, как правило, характеризуются властью хищного беззакония или запущенности закона до такой степени абсурдности и неприспособленности к действительному порядку вещей, что порядочные люди более неспособны его соблюдать. Локальное смутное время захлестывает общество прямо рядом со столицей, в Подмосковье, руководители коего так любят показывать близость власти к народу и открытость к инициативам, просьбам и жалобам, идущим отовсюду. И неудивительно, что в отдельных населённых пунктах этого центрального региона правят бал такие группы, которые используют угрозы, запугивания, задействуют высокие властные связи, разогревают собственные неуёмные аппетиты. В отличие от ОПГ эпохи 90-х, они относительно скромны, методы их — сравнительно гуманны, но все мы знаем, как быстро развивается хватательный рефлекс у бандитов, опьянённых собственной безнаказанностью.

Но это общие слова. А вот вам бытовая история из жизни. Большой пригородный дом в поселке Опалиха под Красногорском. Он разделён на 6 квартир. Этот дом был построен не огромной строительной корпорацией, втридорога продающей квадратные метры в бетонных муравейниках, а неким частным лицом, на собственной земле и на собственные деньги. Из-за упомянутой выше запущенности закона дом был признан самостроем, в результате чего администрация, заинтересованная в прибыли от продажи тех самых "муравейников", подала иск о сносе незаконно возведённого строения. Согласно закону, предотвратить решение суда в пользу сноса можно было единственным способом — оформив весь дом на единственного человека. Этим человеком оказалась несовершеннолетняя на момент оформления девушка по имени Кристина, член семьи Фисиных, живших тогда в доме. На тот момент, в условиях спешки и необходимости срочно всё решить, жители дома едва ли задумывались о последствиях столь опрометчиво оказанного соседского доверия. Когда вопрос был улажен, а дом узаконен, оказалось, что родственники Кристины почему-то не спешат оформлять собственность обратно. Все разговоры на эту тему заканчивались ничем, а в квартиру Фисиных вскоре въехали их родственники из Волгограда. Остальные же жители пожали плечами: мало ли что написано в документах, никто же не собирается выкидывать людей из их собственного жилья. Так продолжалось до середины ноября, когда жительница одной из квартир была вынуждена лечь в больницу. Вернувшись, она обнаружила свою часть дома обнесённой забором, а вещи личного пользования — выброшенными на снег. Мебель и бытовая техника, кстати, остались в руках "законных собственников" жилья — тех самых родственников из Волгограда, расширивших своё жизненное пространство за счёт больной женщины. Заявление в полицию — самая радикальная мера из тех, что позволены законом — вполне может оказаться напрасной тратой времени, учитывая связи Фисиных.

Глава семейства, Светлана, работает в отделе кадров Мособлгаза. Отношения, которыми она обросла на высоком посту, позволили ей не только устроить всю свою родню к себе на службу (чем родня не стесняется кичиться), но ещё и решать проблемы неформально.

Сбор денег на любые мелочи у собственных соседей, намёки живущей в одной из квартир матери-одиночке на возможность повторения истории с выброшенной на улицу больной женщиной, стремительное "чудесное" проведение коммуникаций в собственный официально не зарегистрированный отдельный дом, отключения газа и света жильцам — это всё творится здесь и сейчас, а вовсе не в "лихие девяностые".

Казалось бы, решение очевидно: жильцам надо протестовать, писать жалобы, звонить, наконец, по горячей линии, гарантирующей анонимность и конфиденциальность. Так они и сделали! Но… жалобы остались незамеченными, а содержание вроде бы анонимного звонка было пересказано тем, на кого этот звонок был нацелен. Уже на следующий день жалобщики столкнулись с насмешками и новыми угрозами.

Руководитель Мособлгаза Дмитрий Голубков является деловым партнёром, близким другом и, по некоторым данным, соседом губернатора Московской области Андрея Воробьёва, депутатом Мособлдумы от "Единой России" и весьма состоятельным человеком. Ведь Мособлгаз владеет всей газотранспортной системой Подмосковья и является монополистом на газовом рынке региона. Губернатор области обещал, что все акции компании перейдут в собственность региона, но разве не оказались они в руках дочерних предприятий самого Мособлгаза? Голубков известен и как покровитель здорового образа жизни. Добровольные взносы начальников унитарных предприятий и областных коммерсантов в пользу баскетбольного клуба "Химки", руководимого Голубковым, стали притчей во языцах. Чем-то всё это напоминает расширенную рекламу МММ, которая из безумного двухминутного ролика, превратилась в бесконечный сериал. Голубков часто появляется на телевидении, над его образом, должно быть, работает не один пиарщик. Его речи про доступный газ для населения слышны "из каждого утюга". И что же?

Подобно тому, как в известном анекдоте про сломанную лопату логическая цепочка событий неумолимо открывает Чапаеву факт пожара в конюшне, а затем и вовсе приводит к информации о краже знамени полка, бюрократическая проблема в доме на шесть семей в небольшом посёлке неподалёку от Москвы выводит нас на более широкую проблему.

Кто-то где-то у кого-то "отжимает" квартиру. Кто-то, пользуясь своими связями, отключает у жильцов газ. Кто-то "стрижет" местный бизнес. Разве это нормально?

За чехардой имён, должностей, лиц и речей очень легко упустить то, что стало первопричиной этой отвратительной ситуации, заложниками которой так или иначе стали тысячи человек по всей стране. Первопричина эта — несовершенство законодательной системы, результатом которой является невозможность заставить бюрократический аппарат обслуживать интересы общества. Пока некоторые чиновники будут себя чувствовать закрытой высшей кастой, эдаким новым дворянством, ситуации, подобные произошедшему в Опалихе несправедливому выселению, будут оставаться, увы, частью нашей реальности.

Владимир АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Владимир БУШИН «ОТВЕРЗЛИСЬ ВЕЩИЕ ЗЕНИЦЫ…»

О пленуме Союза писателей России

Окончание. Начало — на стр. 1

ПОНЯТНО, что об этом могут не знать актёры, но ведь, судя по делу, это неведомо и работникам музея! Конечно, можно представить себе, что разгадку неприязни Толстого дают строки Леонида Мартынова:

Я жил во времена Шекспира,
И видел я его в лицо,
И говорил я про Шекспира,
Что пьесы у него дрянцо.
И что заимствует сюжеты
Он где попало без стыда,
Что грязны у него манжеты
И неопрятна борода…
Но ненавистником Шекспира
Я был лишь только потому,
Что был завистником Шекспира
И был соперником ему.

Толстой, конечно, соперник Шекспира, но ещё и завистник? Вот что угодно думайте, но он его не терпел. Однако нашлись люди, которые хотят, чтобы близ родного дома Льва Николаевича и над его могилой на английском языке звучал бы совершенно нетерпимый им соперник… Я тогда написал в главную тульскую газету письмо в защиту вкуса и покоя нашего гения. В страхе мне даже не ответили. Статью напечатала "Завтра". Но не помню я, чтобы кто-нибудь из нынешних верноподданных Толстых, которых мы то и дело видим на экранах телевизоров, выступил в защиту своего великого прародителя. Не знаю, как и почему, но до сих пор англизация Ясной Поляны, слава тебе, Господи, не состоялась. И если б дело было в антипатиях графа! Оглянитесь на вывески и ущипните себя… Сколько лет удивительной моде на нерусское? И сколько ей ещё отмерено? Когда проснёмся-то? Придётся ль жить в пору эту прекрасную тебе и мне, читатель?

НО ВЕРНЁМСЯ к пленуму… Для своих друзей и помощников среди губернаторов писатели учредили почётные звания, а их представителям были вручены памятные статуэтки выдающихся сынов России. Всё это очень хорошо, но и тут закавыка: вручали статуэтку и Петра Столыпина, главы правительства при последнем царе Николае. Как было не подумать: а что об этой наградной статуэтке сказал бы тот же самый наш яснополянский коллега? Ведь он вот как адресовался Столыпину: "Пишу вам об очень жалком человеке, самом жалком из всех, что знаю теперь в России…Человек этот — вы сами. Не могу понять того ослепления, при котором вы можете продолжать вашу ужасную деятельность… Вас каждую минуту хотят и могут убить, потому что уже по теперешней вашей деятельности вы уже заслужили ту славу, при которой всегда, пока будет история, имя ваше будет повторяться как образец жестокости и лжи… Вместо умиротворения вы до последней степени напряжения доводите озлобление людей всеми этими ужасами произвола, казней, тюрем, ссылок…"

Вас могут убить… Как в воду глядел: ведь убили…

Можно понять тех, кто на свои кровные трудовые отгрохали памятники Столыпину: он им родня, он их учитель. Но писателям к лицу ль трезвонить о нём, хотя бы тем из них, кто получил на пленуме медали Лермонтова? Ведь это он бросил в лицо чинодралам своего времени:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!..

И нам придётся выбирать: всё-таки Шолохов или Солженицын, Пушкин или Чубайс?

Но дальше! На пленуме был начат обмен членских билетов, надо же разобраться с этими тысячами "пишущих единиц". Первые билеты были вручены писателям-фронтовикам Юрию Бондареву и Владимиру Бушину. Юрий Васильевич, к сожалению, не смог прийти на пленум, билет приняла его дочь Елена Юрьевна.

Первый секретарь правления Союза Геннадий Иванов вызвал меня на сцену получить новый билет. Я получил и сказал у микрофона, если память не изменяет, примерно вот что:

— В этот день мы должны почтить всех председателей нашего Союза, но первым — того, кто столько сил отдал его организации и становлению: Леонида Сергеевича Соболева. Это был замечательный человек и прекрасный писатель, истинный аристократ духа — прост, доступен, внимателен, элегантен. Если кто не читал его роман "Капитальный ремонт", обязательно прочитайте. Он был опубликован в 1932 году. Тогда было немало талантливых книг, но этот роман среди них не затерялся.

Его прочитал Сталин, к которому автор ещё и обратился по какому-то вопросу с письмом, и вождь написал Владимиру Ставскому, возглавлявшему тогда литературные дела: "Обратите внимание на т. Соболева. Он, бесспорно, крупный талант (судя по его книге "Капитальный ремонт"). Он, как видно из его письма, капризен и неровен (не признаёт "оглобли"). Но эти свойства, по-моему, присущи всем крупным литературным талантам (может быть, за немногими исключениями).

Не надо обязывать его написать вторую книгу "Капитального ремонта". Такая обязанность ниоткуда не вытекает. Не надо обязывать его написать о колхозах или Магнитогорске. Нельзя писать о таких вещах по обязанности. Пусть пишет, что хочет и когда хочет.

Словом, дайте ему перебеситься… И поберегите его.

Привет!

И. СТАЛИН".

Между прочим, Соболев был беспартийным и порой любил усмехнуться: "Кто я? Царский мичман!" Нам тридцать лет твердят, что в советское время без партийного билета невозможно было шаг вперёд сделать. Но беспартийным был и Константин Федин, 18 лет возглавлявший Союз писателей всей страны, и президенты Академии наук с 1917 по 1951 год: А.П. Карпинский, В.Л. Комаров, С.И. Вавилов, и ректоры МГУ, и многие другие высокопоставленные лица. Так что советская жизнь была несколько разнообразней и красочней, чем думают либералы.

Соболева сменил Сергей Михалков, потом — Юрий Бондарев, Валерий Ганичев…Я самый старший из вас, сидящих в этом зале, знал всех этих руководителей Союза и свидетельствую: все они были достойными людьми и талантливыми писателями, много сделавшими и для Союза, и для его отдельных членов. Недавно один известный, уважаемый и уже совсем не молодой писатель, ставший членом Союза ещё при Федине, если не при Фадееве, заявил, что ничего ужаснее нашего советско-российского писательского сообщества и вообразить невозможно. Что, его не печатали, не признавали или даже травили, квартиру Союз не дал? Ничего подобного. Всё на месте. Но он хулит Союз …

Поэтому я просто вынужден во имя защиты "писательского сообщества" сказать нечто совсем иное. В этом сообществе я нахожусь тоже давно. Ну и, конечно, были у меня противники, супостаты, портившие мне кровь: Григорий Бакланов, Игорь Золотусский… Первый объявил меня фашистом. Правда, потом он и других так штамповал, но меня — первым. Второй на страницах "Литературки" уверял, что меня презирает вся прогрессивная общественность, что было отчасти верно, если иметь в виду "золотусскую" общественность. Были и другие… Так, один, будучи сам, как и двое предыдущих, антисоветчиком, изобразил меня либералом-антисоветчиком. И что с ними делать!

Мне оставалось только утешаться тем, что у Бальзака в его "Обедни безбожника" говорит знаменитый хирург Деплен коллеге Бьяншону: "В Париже, когда некоторые люди видят, что вы готовы вот-вот сесть в седло, иной начинает тащить вас за полу, а другой отстёгивает подпругу, чтобы вы упали и разбили себе голову; третий сбивает подковы с ног вашей лошади; четвёртый крадёт у вас хлыст; а пятый, самый честный — тот, кто приближается к вам с пистолетом, чтобы выстрелить в вас в упор. У вас есть талант, мой друг? Тогда вы скоро узнаете, какую страшную, непрестанную борьбу ведёт посредственность с теми, кто её превосходит". У меня был пятый, а шестой подошёл и в упор выстрелил, да ещё метнул гранату "Анти-Бушин".

Я читал не всегда, что они обо мне писали, и не всегда отвечал.

Я спокойно смотрю
в эти бледные лица.
Отвечать на их злобные вопли?
Зачем?
От пощёчины словом
можно словом укрыться,
От молчанья хлыста —
не укрыться ничем.

Но главное, ведь гораздо больше я встречал совсем иных писателей, слышал другие слова, видел доброе отношение… Уж извините, но однажды, ещё лет пятьдесят тому назад, когда в "Литературной газете" я выступил со статьёй, в которой осуждал и высмеивал бесконечные, бесчисленные переименования у нас городов, площадей, улиц и решительно настаивал на возврате их исконных имён: Тверь, Самара, Нижний Новгород; Пречистенка, Маросейка, Божедомка, — на другой день после публикации Владимир Солоухин влетел в мой кабинет в "Дружбе народов" с воплем "Ты — гений!". Володя был мой однокурсник и друг, ну, как я мог призвать его к порядку! Но много лет позже другой Владимир, сидящий в этом зале, Крупин, на страницах "Завтра" тоже по доброте душевной категорически заявил, что Бушин — лучший критик современности. Тут я не сдержался, спросил его: откуда ему известно, что я лучше критиков Мадагаскара? А в прошлом году молодой писатель Лев Данилкин выразил уверенность "Литературной газете", что я "действительно великий критик", у которого он хотел бы хоть чему-нибудь научиться. Хоть стой, хоть падай! В другом виде, но тоже доброту, я встречал и у наших первых секретарей. Леонид Сергеевич однажды защитил меня от нападок за статью "Реклама и факты", в которой я неласково писал о критике в "Новом мире" Твардовского, о завтрашних либералах ельцинского закваса. А когда в кооперативе мне хотели не дать уже выбранную мной квартиру, Соболев и Сергей Сергеевич Смирнов подписали нужное письмо, и квартиру дали. В ту пору к слову писателей прислушивались. А Михалков помог с приёмом в Союз. По причине конфликтности моего приёма дело рассматривалось на секретариате Московского отделения, и там голоса разделились ровно пополам. Как быть? Сергей Владимирович вдруг вспомнил: "В таких случаях председатель (а он им и был) имеет два голоса". Так одним виртуальным голосом я и прошмыгнул в Союз. Потом я подарил Михалкову книгу своих стихов "В прекрасном и яростном мире". Он позвонил и назвал все стихи, которые ему понравились, дружески поговорили. А это было вскоре после не очень-то приятной для него моей статьи об одном из его сыновей. Потом и он подарил мне свой двухтомник с дарственным двустишием:

Попал Бушину на суд —
Адвокаты не спасут.

И при встрече спросил: "Хорошо?" "Здóрово!" — ответил я, тем более что и сам бывал адвокатом. За долгую литературную жизнь в разное время приходилось защищать Пушкина и Лермонтова, Горького и Шолохова, Михаила Алексеева и Владимира Карпова…

После Михалкова — Бондарев, Ганичев. Первый вручил мне премию имени Шолохова, второй — почётный знак "Имперская культура" и Большую премию в маленьком конверте. Прекрасно! К слову сказать, я никаких должностей в Союзе писателей никогда не занимал, никаких! Да и вообще выше завотделом в толстом журнале не поднялся, а смотри ж ты, обижен не был. Хорошо бы, конечно, ещё и квартиру бы бесплатно от Союза получить, но… надо радоваться и тому, что Бог послал…

Давно сказано:

У поэтов есть такой обычай —
В круг сойдясь,
оплёвывать друг друга…

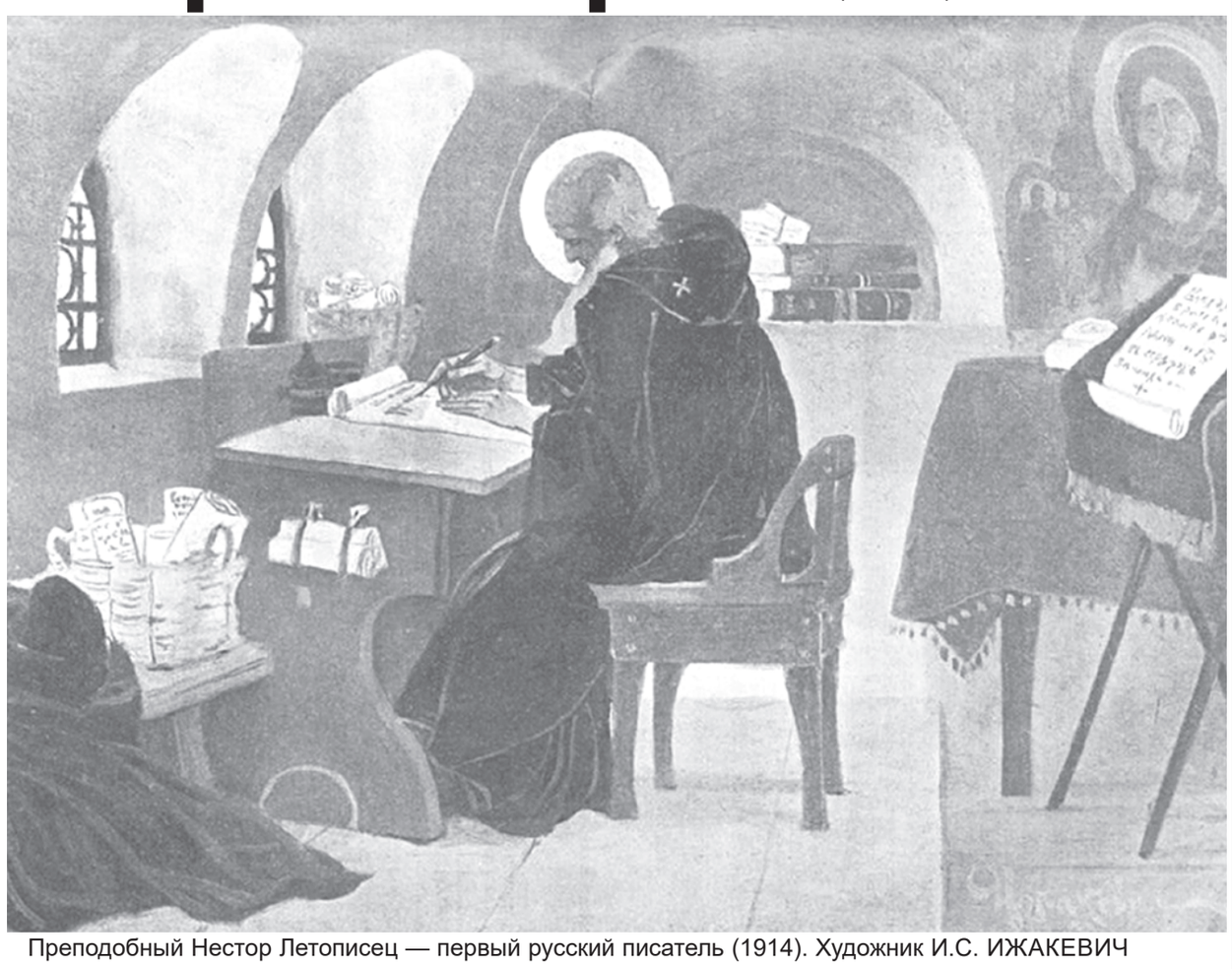
Да, и есть профессиональные "плеваки" разных категорий, например, известный нам нынешний юбиляр Солженицын — плевака высшей категории. Он прямо писал: "Отмываться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым". И без малого всю советскую литературу поимённо заплевал, характеризуя коллег так: жирный… лысый… вислоухий… убийца… бездари… плюгавцы… плесняки… наглецы… обормоты… Мало! Черпал ещё из животного мира, сперва из млекопитающих: собака… волк… шакал… бараны… ослы… хорёк… лиса… И этого мало. Переходил к рептилиям: змея…. гадюка… хамелеон… Добирался до насекомых: скорпион на задних ножках и т.д. Загляните в его "Телёнка…", который ведь не бодался с дубом, а и вот так плевался… Это было его жизненным и творческим кредо.

Сейчас губернаторы ставят Солженицыну памятники. При жизни юбиляр, как видим, без конца крутил головой и плевался во все стороны, а сейчас через сотни и тысячи вёрст переплевываются между собой его памятники: спорят, кто лучше выражает духовную суть предателя.

Но почему же памятники ставят за губернаторский счёт, а не по народной подписке? Ах, как красиво было бы! Ведь судя по передачам телевидения в эти юбилейные дни, народ наш так любит и чтит Солженицына, что 77% проголосовали за то, чтобы воскресить его и посадить в Кремле. Так почему? О, тут большая закавыка…

В эти дни все памятники Солженицыну: и уже поставленные, и ждущие своей очереди, — в большом расстройстве и досаде. Ну, как же! Была надежда, даже уверенность, что аэропорт Минеральных Вод назовут его бессмертным именем. А что вышло? Собрал 3% голосов, остальные 97% получил Михаил Юрьевич Лермонтов. В 32 раза больше! Это словно напоминание о масштабе вранья юбиляра. Да, обращаясь к разного рода цифрам "советского кошмара", он лихо увеличивал их в 10, 20, 30 и более раз. Например: "Тюрьма была построена на 500 человек, а в неё поместили 10 тысяч!" (Архипелаг, т.1, с. 536). В 20 раз!

Так вот истинная цена этого "пророка" в народе — 3%. О каких же памятниках тут можно говорить, о какой всенародной подписке…



Преподобный Нестор Летописец — первый русский писатель (1914). Художник И.С. ИЖАКЕВИЧ

НО ХВАТИТ о таких персонажах… Наш вечер начался с фильма о предыдущем съезде Союза. В самом конце патриарх напомнил с экрана вещие слова о глаголах и сердцах. Позвольте мне продолжить эту бессмертную тему…

Пожалуй, в этом доме, в этих стенах, где он так уместен, в таком виде призыв нашего гения прозвучит впервые… Помоги, Господи, не споткнуться!..

Духовной жаждою томим
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;

Перстами лёгкими как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.

Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье…

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
"Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей".

(Аплодисменты всего зала.)

Не буду уточнять, в какое время, в какие дни слагались эти стихи. Помню только одно: они приходили ко мне, когда я ощущал, что холодная война — извечное состояние человечества, обжигающее своим ледяным пламенем наши тела и души. Если кто-то предположит, что эти стихи написаны во время первой мировой холодной войны, то я добавлю, что их нужно воспринимать как ракеты малой и средней дальности, усовершенствованные и модернизированные.

Станислав КУНЯЕВ «НАРОД, ТЫ ВЕЧНОЕ ДИТЯ!..»

Стихи разных лет

* * *

Опять разгулялись витии —
шумит мировая орда:
"Россия!", "Россию!", "России!"…
Но где же вы были, когда
от Вены и до Амстердама
Европу, как тряпку кроя,
дивизии Гудериана
утюжили ваши поля?
Так что ж, всё прошло, пролетело,
всё шумным быльём поросло? —
и слава? И доброе дело?
И кровь? И всемирное зло?
Нет, всё-таки взглянем сквозь годы
без ярости и без прикрас:
прекрасные ваши "свободы" —
что было бы с ними без нас?
Недаром легли как основа
в синодик гуманных торжеств
и проповедь графа Толстого,
и Жукова маршальский жезл.

* * *

Окину взглядом Северо-Восток —
песчаную и ледяную сушу,
и не географический восторг,
а мысль прожжёт мятущуюся душу
о том, что предки шли не торопясь,
осваивая реки и наречья
не для того, чтоб износилась связь
полустальная, получеловечья.
Пусть Ермаку воздаст мансиец честь,
узбеку впору Скобелева славить,
за то, что нефть, и лес, и хлопок есть
и есть пространство, где ракеты ставить.
И есть земля, в которой жизнь и смерть
ещё живут бок о бок, словно сёстры…
Шумит под ветром человечья ветвь
и знать не хочет, что пророчат звёзды.

* * *

Кругом сплошной эквивалент, —
на огнь — огонь,
на глотку — глотка,
на всё находится ответ —
на атомную лодку — лодка.
Но если миру суждено,
чтобы для всех одна дорога —
есть утешение одно:
что нам привычнее немного.

* * *

Где-то маленький мальчик живёт
в Вашингтоне, а может, в Чикаго.
Он ковбойские песни поёт,
он глядит озорно и лукаво.
Но отец поощряет его,
чтобы рос деловым человеком.
Чтоб такого не знал ничего,
что поссорит детёныша с веком.
А ровесник его как трава
подрастает в московской квартире
и кружится его голова
от чудес, возникающих в мире.
То Есенина в руки возьмёт,
то бездомную кошку притащит,
пересказывать сказку начнёт —
всё по-своему переиначит.
Воспитанье — проблема проблем
в этом деле кругом непорядки,
ибо в каждой из школьных систем
есть достоинства и недостатки.
Дальний Запад и Дальний Восток,
Миссисипи и матушка Волга…
Этот мир не велик, не широк
им до встречи осталось не долго.

* * *

Коль земная могучая ось
вдруг изменит свой угол наклона,
и прогреется солнцем насквозь
Полюс холода у Оймякона,
и растает Великий Сугроб,
брат Антарктики и Антарктиды,
и настанет всемирный потоп
на планете, сошедшей с орбиты —
я тогда сколочу свой ковчег
и по тёмным российским глубинам
поплыву, словно прачеловек,
к араратским священным вершинам,
чтоб найти у библейской горы
на спасенье последние шансы,
где, как братья, разводят костры
и армяне, и азербайджанцы.

* * *

Средь злых вестей
и невесёлых слухов,
столь частых в мире,
думаю подчас:
детей почти не жалко,
жалко внуков,
жаль синевы их беззащитных глаз.
Зачем они бесстрашно доверяют
свои сердечки миру моему,
младенческие души отворяют
и, как слепые, тянутся к нему?
Учились бы у деда,
чьи глаза
давно приобрели стальной оттенок
от дней войны,
от бед послевоенных,
так очерствел,
что не проймёт слеза.
Беспечные чудны́е человечки!
Что значат ваши нежные словечки
и все мои суровые слова
пред безымянной и безликой мощью,
что белым днём и непроглядной ночью
калечит жизнь, покуда ты жива.
Но им-то что!
Глядят во все глаза,
особо младший —
чистый одуванчик!
Гляди, гляди,
мой белокурый мальчик,
вдруг выживем — бывают чудеса…
Быть может, свет
твоих небесных глаз
пронижет тьму до самой сердцевины…
Быть может,
потому сильнее нас
те, кто чисты,
блаженны и невинны…

* * *

Народ, держись своих вождей.
Лишь были бы свои
того же теста и дрожжей,
что пращуры твои.

Чтоб твой язык и твой размах
был внятен вожаку,
чтоб мог сдержать тебя вожак,
как лошадь на скаку.

Народ, ты вечное дитя,
в кругу житейских дел
всё жаждешь золотого дня,
всё рвёшься за предел

тебе положенный судьбой…
В хмелю своих страстей
ты так владеешь сам собой,
что не собрать костей.

Не будет воли — будет жизнь
в кольце чужих племён,
вот почему вождей держись
и не порочь имён.